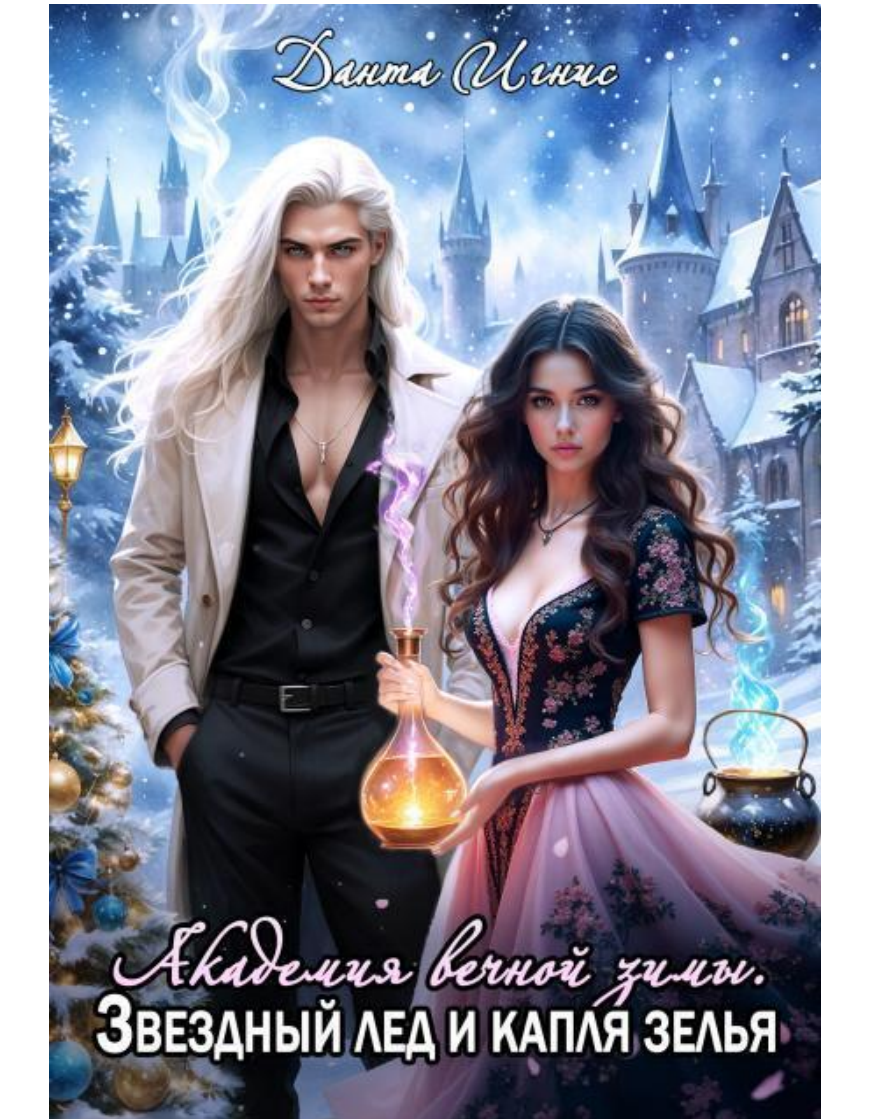

Данта Минас

Академия вечной жизни.
ЗВЕЗДНЫЙ ЛЕД И КАПЛЯ ЗЕЛЬЯ

Данта Игнис

Академия Вечной Зимы.

Звездный лед и капля зелья

<https://litres.ru/74213207>

Аннотация

Мачеха забрала мое наследство, заколдовала отца и отправила меня в элитную Академию Вечной Зимы. Но не студенткой, а уборщицей. Мой удел — мыть полы за богатыми наследниками и терпеть насмешки. У меня нет денег, нет связей, зато есть дар видеть суть вещей и варить зелья. Я планировала стать невидимкой, выжить и исчезнуть. Но судьба столкнула меня с ним. Валкор — гениальный стратег, наследник древнего рода и самый холодный парень в Академии. Его называют Звездным льдом, и он привык, что мир лежит у его ног. Он презирает таких, как я. Я ненавижу таких, как он. Мы — две противоположности, которым нельзя быть рядом. Но этой зимой холод будет обжигать сильнее огня. Сможет ли простая зельеварка стать равной тому, кто рожден повелевать звездами?

Содержание

Глава 1. Обещание камню.	4
Глава 2. Корни во тьме	11
Глава 3. Унизительная милость	21
Глава 4. Закон сильных	32
Глава 5. Изгнанница	43
Глава 6. Вкус полыни	54
Глава 7. Шаг в бездну	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Обещание камню.

Дождь барабанил по белому мрамору, на котором четко виделось лишь имя – Элиара Валерис. Я стояла у самой кромки сырой земли, в мокрых туфлях и с ощущением, что воздух куда-то делся. Вокруг пахло свежей глиной, мокрыми листьями и чем-то слишком болезненным для жизни – тишиной. Той самой, которую даже кладбищенский ворон, нахохлившийся на ветке старого вяза, не решался нарушить своим карканьем. Чуть поодаль топтался отец, он смотрел на могильную плиту так, будто надеялся увидеть там ответ на вопросы, которые не задал.

Я еще не умела правильно прощаться.

Воспоминания лезли обрывками, как назойливые осы: «Не спеши бояться, Иса. Страх – плохой советчик». Мамин голос, теплый и спокойный, даже когда учила меня варить зелье от ожогов, а я чуть не подожгла кухню. «Сначала подумай, потом решай. Смотри на корни, а не на пыль на листьях».

Я незаметно вытерла ладонью воспаленный от слез нос, упрямо вскинула подбородок.

– Я обещаю, – произнесла едва слышно. – Я поступлю в Академию. Придумаю лучшие зелья. Ты ведь хотела, чтобы я стала такой же сильной и талантливой, как ты. Я не подведу.

Если честно, я не знала, как это сделать. Оставалось толь-

ко сильно хотеть. Академия была ее мечтой для меня. Теперь она стала моим щитом. Моим единственным планом в мире, который рухнул. Внутри горело паршивое чувство несправедливости: разве это правильно, когда мама просто исчезает, а твоя жизнь резко уходит из-под ног? Где та невидимая нить, которую так долго давали держать в руках, а теперь вырвали, даже не спросив? Где тот волшебный рецепт, который должен был спасти?

Мама сгорела всего за три дня.

Лекари разводили руками, пряча глаза, и бормотали что-то о редкой, молниеносной лихорадке. О том, что сердце не выдержало. Но я помнила эти дни. Я помнила, как жизнь покидала её – не плавно, как заходит солнце, а рывками, словно кто-то жадный выкачивал её силы через невидимую трубочку.

Я зябко повела плечами, чувствуя, как мокрая прядь темно-каштановых волос выбилась из небрежной косы и прилипла к щеке. Я не стала её поправлять. Я вообще старалась не привлекать внимания, словно если я стану невидимой, реальность этого утра исчезнет.

Мама умерла, а я осталась. Живая тень той, что теперь лежала под землей. Родственники и знакомые отца, пришедшие отдать дань уважения, обсуждали не только усопшую. Их шепот за спиной долетал до меня даже сквозь шум ливня.

– Бедная девочка... – донеслось слева. – Совсем прозрачная стала.

– Взгляни на её кожу, белая как фарфор. В наших краях такая бледность – дурной знак.

– А глаза? Точно ведьмины. Только что были ореховыми, а сейчас, гляди, позеленели, как мох. Вылитая Элиара.

Я лишь сильнее сжала руки в замок, пряча их в складках плаща. Я знала, что похожа на неё. Отец всегда говорил, что мои глаза с золотистыми крапинками – это её подарок. Раньше это было поводом для гордости. Теперь – клеймом боли.

Отец тяжело вздохнул. Звук, похожий на стон усталого зверя. Я подняла на него взгляд. Его глаза казались пустыми, подернутыми странной мутной пеленой, словно он смотрел сквозь меня. Он махнул рукой в сторону ворот кладбища – дергано, неестественно, словно кукла на веревочках. Отмахивался от назойливой мухи. От боли. От меня.

Он пошел прочь, и его фигура в мокром плаще казалась сгорбленной и бесконечно одинокой.

Я подождала, пока он скроется за мокрыми стволами кипарисов. Шагнула ближе к плите. Шершавый, холодный камень под пальцами. На миг закрыла глаза, представив ее улыбку, морщинки у глаз, когда она смеялась над моим первым, ужасно горьким «чайком» из подорожника и мяты.

– Буду делать всё, чтобы не забыть, чему ты учила. Научусь варить не только чай от простуды.

Глупо шептать камням, но иногда только им всё можно доверить. Я шагнула прочь от могилы, стараясь не обернуться. Спина прямая, подбородок все так же упрямо задран. Не

оглянулась. Оглядываться – значит признать, что она там, в этой сырой яме под белым камнем. А она – в зельях, которые я еще сварю. В обещании, за которое я буду цепляться, как утопающий за соломинку.

Где-то глубоко пряталась упрямая, цепкая мысль – если обещание дано, остается только придумать, как его исполнить. Я пряталась за этим обещанием от всего невыносимого ужаса, что навалился на меня в последние дни.

У кованых ворот нас ждала карета с гербом отца. И она. Селеста Армантир, «знакомая» отца, не вышла под дождь. Она сидела внутри, идеально красивая и неуместная здесь, как ядовитая орхидея на пепелище. В карете было сухо и тепло, пахло кожей и дорогими духами Селесты – тяжелый аромат мускуса и чего-то цветочного, душного.

Она появилась в нашем доме всего месяц назад. «Давняя знакомая», как представили её родители, хотя я никогда раньше не слышала этого имени. Она не была нам родней, не жила с нами, но в эти три страшных дня она была везде. Распоряжалась слугами, говорила с лекарями, встречала гостей.

Селеста была красива той хищной, зрелой красотой, которая пугает юных девушек. Идеальная осанка, ни одной лишней морщинки, взгляд, который, казалось, оценивал стоимость твоей одежды, души и жизни за секунду.

Отец уже сидел напротив неё, глядя в одну точку.

Селеста устроилась рядом с ним, заполнив собой всё пространство. Она вела себя не как гостя. Она вела себя как

хозяйка положения, которой просто нужно немного времени, чтобы оформить документы.

– Бедный, бедный Фелинар, – проворковала Селеста. Её голос лился, как густой сироп. – Ты совсем продрог. Тебе нужно согреться.

На маленьком откидном столике внутри кареты стоял изящный фарфоровый чайник, расписанный золотыми лилиями – мамин любимый сервиз. У меня внутри всё сжалось от обиды, когда пальцы Селесты коснулись ручки.

От носика чайника поднимался пар. Но запах...

Мой нос, привыкший различать тончайшие оттенки сушеных трав, мяты и корней, мгновенно уловил неладное. Пахло чем-то приторно-сладким, вязким, с тяжелой, едва уловимой землистой нотой гниения. Будто кто-то засахарил увядшие цветы и забыл их в сыром погребе.

Селеста налила темно-бурую, почти черную жидкость в чашку и поднесла к губам отца.

– Пей, дорогой. Это особый сбор. «Трагус». Он успокоит твои нервы и прогонит скорбь. Я заказывала его у лучших мастеров специально для тебя.

Отец послушно, как ребенок, приоткрыл рот. Он даже не попытался взять чашку сам. Его воля, казалось, осталась там, под дождем, у свежей могилы.

– Спасибо, Селеста... – пробормотал он. Язык его слегка заплетался.

Я наблюдала за этим, вжавшись в угол кареты. Мне хоте-

лось выбить чашку из её рук. Хотелось крикнуть, что от этого «чая» у отца стекленеют глаза, а кожа становится серой. Но я молчала. Что я могла сказать? Что мне не нравится запах?

– Исанта? – Селеста перехватила мой взгляд. В её глазах не было тепла, только холодный интерес вивисектора. – Ты смотришь так напряженно. Может, и тебе налить? Это поможет расслабиться. У тебя такой... измученный вид.

– Нет, спасибо, – тихо ответила я. Мой голос не дрогнул, и я мысленно похвалила себя за это. – Я предпочитаю воду.

– Как знаешь, – она равнодушно пожала плечами и снова повернулась к отцу, промокая салфеткой каплю темной жидкости, упавшую ему на подбородок.

Этот жест – хозяйский, властный – заставил меня похолодеть сильнее, чем кладбищенский ветер. Она поправила ему воротник, разгладила лацкан сюртука. Так поправляют ошейник любимому, но глупому псу.

Отец сделал еще глоток. И еще. С каждой каплей черного зелья остатки боли и разума в его глазах гасли, уступая место блаженному, пугающему равнодушию.

Я отвернулась к окну, доставая из кармана маленький блокнот. Пальцы привычно нащупали карандаш. Я должна записать. «Трагус. Черный цвет. Сладкий запах гнили. Вызывает апатию».

Я еще не понимала, насколько сильно моя жизнь изменится с уходом мамы. Я еще не знала, что похороны – не ко-

нец ужаса. Это была лишь первая страница новой главы моей жизни. Главы, где мой дом перестанет быть крепостью, а станет полем битвы, на которое я выхожу безоружной.

Но тогда, глядя на проплывающие мимо серые деревья, я знала только одно: я должна попасть в Академию. Во что бы то ни стало. Это обещание камню стало моим первым зельем выживания. Горьким, отчаянным, но единственным.

Глава 2. Корни во тьме

Мыльная вода была ледяной – она вгрызалась в кожу, превращая пальцы в негнущиеся красные крючья. Я с нажимом провела жесткой щеткой по каменным плитам, вычищая вековую грязь из стыков. Плечи ныли, монотонная боль в пояснице стала привычным фоном дня, но страшнее был голод. Желудок скрутило спазмом, острым и требовательным, и перед глазами на миг поплыли цветные пятна.

Я замерла, пережидая приступ дурноты, и уставилась в жестяное ведро. В мутной, подернутой серой пеной воде дрожало отражение. Чужое, пугающее лицо. Скулы, обтянутые бледной, почти прозрачной кожей, выступали слишком резко. Огромные глаза – в полумраке кухни они казались темно-болотными, почти черными, лишенными того золотистого света, что появлялся на солнце. И этот след... Лиловая тень под левым глазом, которую не смыть водой. Память о том, как я «неловко» оступилась на лестнице, когда Селеста проходила мимо, слишком широко расставив локти.

Я поспешно отвела взгляд. Не смотреть. Не жалеть. Жалость расслабляет, а мне нужно домыть пол.

Стук каблуков в коридоре прозвучал как выстрел. Цок-цок-цок. Слишком быстро, слишком звонко. Не шаркающая походка отца, не тяжелая поступь кухарки.

– Дорогая Селеста! Твой дом – образец изящества, но

этот новый чепец... просто прелесть! – прозвенел жеманный, незнакомый голос.

– О, Амалия, ты мне льстишь! – отозвался другой голос, знакомый до дрожи. Мягкий, текучий, как патока, в которой спрятан мышьяк. – Всего лишь безделица из Фаэрхейма, подарок мужа.

Гости.

Внутри всё похолодело. Значит, сегодня я не просто слушанка, сегодня я – реквизит для ее спектакля.

Я сжалась, стараясь стать меньше, слиться с серым камнем пола, превратиться в тень. Но запах ударил раньше, чем открылась дверь. Густой, удушливый аромат перезрелых роз и мускуса ворвался в запах сырости и щелока.

Дверь распахнулась. Селеста стояла на пороге, сияя в своем безупречном сером платье. Ни одной складочки, ни одного выбившегося волоска в сложной светлой прическе. На груди, словно насмешка, сверкала брошь с грифоном – гербом семьи Валерис, к которой она не имела отношения по крови, но которую захватила целиком. Рядом с ней переминалась полная дама в кричаще-розовом, с лицом, похожим на сдобную булку. Амалия. Главная сплетница города.

– А вот и она, моя падчерица, – пропела Селеста. Ее голос сочился фальшивым умилением. – Трудится, не покладая рук. Бедное дитя... Мы стараемся приучить ее к порядку, но, знаешь, кровь – вещь упрямая.

Амалия уставилась на меня сверху вниз, как разглядыва-

ют раздавленную гусеницу. Брезгливость в ее взгляде смешалась с жадным любопытством.

– Ох, бедняжка, – протянула она, и я услышала в этом звуке шелест будущих сплетен. – Совсем прозрачная. И этот ужасный синяк на лице... Ей, должно быть, нелегко дается воспитание?

Я сильнее сжала мокрую тряпку. Грязная вода текла по запястьям. Молчать. Принцип выживания номер один: молчи, и буря пройдет быстрее.

– Нелегко, – скорбно вздохнула мачеха, прикладывая ухо-женную руку с перстнем к груди. – Но что поделать? После ее матери... – она сделала театральную паузу, понизив голос до интимного шепота, будто делилась грязной тайной, – нам пришлось приложить титанические усилия, чтобы вытравить из нее эту... дикость. Но, видимо, грязь впитывается с молоком.

Ее взгляд скользнул по моему перепачканному сажей подолу, по рукам, покрасневшим от ледяной воды.

«Моя мать пахла травами и дождем, а не грязью», – мысленно прокричала я, но губы остались сжаты в тонкую линию. Горло перехватило от обиды, но я не позволила себе поднять глаза. Если я посмотрю на нее сейчас, она увидит в них ненависть. А ненависть наказуема.

Амалия сдержанно хихикнула, прикрыв рот кружевным платочком. Жар стыда опалил щеки. Я чувствовала себя выставленной на всеобщее обозрение, грязной, жалкой.

– Ну, не будем смущать нашу труженицу, – тон Селесты мгновенно сменился на деловой и бодрый. Щелчок пальцами. – Иса, милая, заканчивай здесь. И будь добра, принеси нам в гостиную свежего чаю. И того песочного печенья, что привезли утром. Только умойся сперва, ради Создателя. Не порти аппетит гостье.

Шаги стихли, оставив в воздухе шлейф приторных духов, от которого першило в горле. Я с трудом поднялась с колен. Ноги, затекшие от долгого сидения на холодном камне, слушались плохо, словно были чужими.

На столе ждал сервиз. Тончайший полупрозрачный фарфор, расписанный синими васильками. Мамин сервиз. Теперь он доставался только «важным гостям». Я брала чашки дрожащими руками, боясь оставить на белой поверхности даже след от своего дыхания. Рядом, на серебряном блюде, горкой лежали розовые печенье, присыпанные сахарной пудрой. Сладкий ванильный дух ударил в нос, и желудок отозвался болезненным спазмом. Я сглотнула вязкую слюну. Одно печенье... Всего одно. Никто бы не заметил.

Но я знала: Селеста замечает всё.

Три месяца. Всего три месяца потребовалось этой женщине, чтобы перекроить наш мир. Когда отец привел её в дом – высокую статную, с мягкой улыбкой, – он надеялся, что она вернет сюда жизнь. А она принесла порядок. Свой порядок. Сначала из гостиной исчезли мамины вышивки. Потом отец, вечно уставший и виноватый, перестал вмешиваться в «жен-

ские дела», сдав ключи от дома новой хозяйке. А затем...

Я посмотрела на потолок, туда, где под самой крышей, среди стропил и пыли, теперь было мое место. Моя светлая спальня с окнами в сад давно превратилась в гардеробную Селесты. «Девочке полезно учиться скромности», – сказала она тогда, и отец лишь молча кивнул, не отрывая взгляда от тарелки. С того дня я перестала быть дочерью и стала обузой. Бесплатной, бесправной, ненавистной.

Я подняла тяжелый поднос. Руки мелко дрожали от напряжения и голода.

В гостиной было светло и тепло. Слишком тепло после ледяной кухни. Селеста и Амалия восседали на диване, как две разряженные куклы в витрине дорогой лавки.

– Ах, вот и наша маленькая помощница! – воскликнула мачеха, заметив меня. – Ставь сюда, милая. И ради всего святого, осторожнее. Этот сервиз стоит дороже, чем вся твоя жизнь.

Я наклонилась к низкому столику. Мышцы спины свело судорогой. Одно неверное движение, предательская дрожь в пальцах – и краешек чашки тихонько звякнул о блюдец. Тонкий жалобный звон в повисшей тишине.

Лицо Селесты изменилось мгновенно. Маска радушной хозяйки сползла, обнажив хищный оскал.

– Неуклюжая дрянь! – взвизгнула она, и её голос резанул по ушам сильнее хлыста. – Ты вечно всё портишь! Вся в свою никчемную мать! Руки-крюки! У тебя в жилах течет

не кровь, а помои!

Она вскочила с грацией рассерженной кобры. Я дернулась назад, но не успела. Серебряная ложечка для сахара, тяжелая, с витым черенком, со свистом опустилась на мое запястье.

Удар пришелся прямо по косточке. Острая, жгучая боль прострелила руку до самого плеча. Я вскрикнула, прижав пострадавшую руку к груди. Слезы брызнули из глаз, но я закусил губу до крови, чтобы не разрыдаться в голос.

– Вон отсюда! – прошипела Селеста, её серые глаза потемнели от ярости. – Чтоб глаза мои тебя не видели, пока в доме приличные люди! Марш в свою нору!

Я бросила быстрый взгляд на Амалию. Гостья не выглядела смущенной. Напротив, она прикрыла рот кружевной перчаткой, скрывая улыбку, а в её глазах читалось жадное садистское удовольствие. Им было весело.

Я выскочила из гостиной, почти ничего не видя из-за пелены слёз. Бежать. Спрятаться. Ноги сами понесли меня не вверх, в каморку под крышей – туда было слишком долго, – а к ближайшему укрытию. Чулан для метел под лестницей.

Я ввалилась в тесную темноту, пахнущую старым деревом, пылью и мышиным пометом, и дрожащими пальцами задвинула щеколду.

Сползла по шершавой стене на пол, подтянула колени к груди. Здесь было тесно, но безопасно.

Тело била крупная дрожь. Запястье горело огнем, там уже

наливался багровый след от серебра. Но большее было другое. «Вся в свою мать». Как она смеет произносить это имя своим грязным ртом?

Слезы текли по щекам, падали на грязный передник. В животе снова заурчало – громко, требовательно, напоминая о реальности. Я одна. Отец в отъезде, в очередном городе, спасается от скандалов бумажной работой. Он вернется только через неделю. И даже если бы он был здесь... он бы просто прикрыл дверь кабинета поплотнее.

В темноте чулана я сжалась в комок, баюкая ушибленную руку, и впервые за долгое время позволила себе не быть сильной.

Я прижалась лбом к коленям, пытаюсь унять дрожь. Темнота вокруг казалась плотной, как вата. Всего три месяца. Не годы, не десятилетия – всего три месяца прошло с тех пор, как гроб матери опустили в мерзлую землю. Три месяца, чтобы превратить наш теплый, пахнущий травами дом в холодный склеп с дорогой мебелью. Три месяца, чтобы отец превратился в тень, а я – в прислугу.

Память услужливо подбросила образ мамы. Не той, бледной и угасающей, какой она была в последние дни, а настоящей. Ее теплые руки, пахнущие мятой и медом, гладят меня по волосам. Вечерний свет от камина играет в ее глазах. Она достает невзрачный глиняный горшочек с робким ростком, касается листка – и тот отвечает ей мягким изумрудным сиянием.

– Смотри, Иса, – ее голос в памяти звучал так живо, что сердце сжалось. – Даже в самом скромном ростке живет свет. Ищи его в себе, когда станет темно.

Я сунула здоровую руку в карман передника. Пальцы нащупали острый уголок сложенной бумаги. Записка.

Мама отдала мне её за день до конца. Ее глаза тогда были похожи на бездонные колодцы тревоги. Она сжала мою ладонь с пугающей силой и прошептала: «Спрячь. И помни: иди туда, где слышишь свое сердце. Но никому не показывай корни».

«Никому не показывай корни». Я до сих пор не понимала, что это значит. О каких корнях она говорила? О нашем роде? О травах? Или о чем-то, что дремлет внутри меня?

Я подняла голову и всмотрелась в густой мрак чулана.

Здесь, в самом дальнем углу, за швабрами и старыми ведрами, было спрятано еще кое-что.

Я поползла на ощупь, пока пальцы не коснулись шершавой глины. Горшочек. То самое мамино растение.

Селеста нашла его в первый же день своего «правления». «Сорняк», – брезгливо бросила она, сморщив идеальный нос. – «В моем доме не будет этого. Выбросить».

Я не смогла выбросить. Я спрятала его здесь, в единственном месте, куда мачеха брезговала заглядывать. В темноте, без воды и света, оно должно было погибнуть.

Я прижала горшок к груди. Глина была ледяной, как могильный камень. Но вдруг...

Сквозь холод пробилось слабое, едва уловимое тепло. Тук-тук. Тук-тук. Словно крошечное сердце билось где-то глубоко под слоем земли. Оно было живо. Оно упрямо цеплялось за жизнь в этой тюрьме, так же, как и я.

Внутри что-то надломилось.

Я представила, как завтра снова буду скрести пол. Как буду ловить на себе полные презрения взгляды Селесты. Как буду ждать отца, который снова отведет глаза.

Я почувствовала, как страх, сковывавший меня эти три месяца, уступает место другому чувству. Ярости. Холодной расчетливой ярости.

– Иди туда, где слышишь свое сердце, – прошептала я в темноту.

Мое сердце не хотело оставаться здесь. Оно рвалось прочь. Оно кричало: «Беги!».

И я знала, куда.

Есть место, о котором шептались торговцы на рынке. Место, где магия – это сила. Место, где лед и холод хранят древние тайны.

Академия Вечной Зимы.

Я не знала точно, где она находится. Я не знала, как туда попасть без денег и связей. Но интуиция подсказывала: ответы там. Правда о «корнях», о маминой силе, о том, почему она угасла так быстро – всё это спрятано там.

– Я уйду, – мой шепот прозвучал как лязг затвора. – Слышишь, мама? Я не сгнию в этом доме.

Растение в моих руках ответило внезапной теплой волной, словно соглашаясь. Словно заключая со мной союз.

Я выберусь отсюда. И заберу с собой этот росток

Глава 3. Унизительная милость

Холод каменного пола просачивался сквозь тонкую ткань платья, вгрызаясь в колени. Я с остервенением терла и без того чистый участок паркета, лишь бы не поднимать глаз.

В столовой пахло невыносимо вкусно – тушеной говядиной с розмарином и свежей сдобой. Этот запах дразнил, сводил с ума, заставляя пустой желудок сжиматься в болезненный узел. Мой ужин – миска остывшей склизкой овсянки – ждал в прихожей на табурете. Если заслужу. Если закончу вовремя.

Я украдкой бросила взгляд на стол. Мой отец, Фелинар Валерис сидел во главе стола. Но смотрел на него словно сквозь мутное стекло. Он был здесь и не здесь. Идеально выбритый, в приличном, хоть и не новом камзоле, он напоминал восковую фигуру из музея. Руки безвольно лежали на коленях. Взгляд устремлен в одну точку – куда-то поверх серебряной супницы, сквозь стены, в пустоту.

За три месяца он не просто постарел. Он выцвел. Словно кто-то день за днем выкачивал из него жизнь, оставляя лишь послушную оболочку. Сердце кольнуло острой жалостью, смешанной с гневом. «Посмотри на меня, папа! Узнай меня!» – хотелось крикнуть, но я лишь сильнее нажала на щетку.

Напротив восседала Селеста. Хозяйка положения. В тем-

но-синем платье, подчеркивающим её бледность и стать, она выглядела безупречно. Брошь с грифоном сверкала на её груди. Она лениво помешивала суп, наслаждаясь моментом.

– Мой дорогой, ты совсем не ешь, – проворковала она. Голос мягкий, обволакивающий, как паутина. – Ну же. Попробуй хоть ложечку. Ради меня.

Она зачерпнула бульон и поднесла ложку к его губам, как кормят малого ребенка или немощного старика.

Отец послушно, механически открыл рот. Проглотил. Ни тени эмоций на лице.

Селеста довольно улыбнулась и потянулась к изящному фарфоровому чайнику, стоявшему отдельно.

– А теперь – твой любимый отвар. Чтобы лучше спалось.

Тонкая струйка густой почти черной жидкости полилась в чашку. В нос ударил знакомый запах – тяжелый, сладковато-гнилостный, с нотками прелой листвы и дурмана. Трагус. Я не знала, что это за травы, но ненавидела этот запах до тошноты. Именно после этого «чая» глаза отца становились стеклянными, а воля исчезала окончательно.

Селеста поднесла чашку к губам отца. Он выпил. Покорно. Безропотно. Я отвернулась, чувствуя, как к горлу подкапывает ком. Видеть это было невыносимо.

– Иса! – голос мачехи хлестнул, как кнут, разрезав тишину.

Я вздрогнула, выронив щетку.

– Подойди. Есть разговор.

Я с трудом поднялась. Колени затекли и не слушались. Руки, перепачканные мыльной пеной, я спрятала за спину, пытаясь хоть как-то сохранить остатки достоинства. Подошла к столу, опустив голову. Смотреть на них было опасно.

– Мы с твоим отцом, – она выделила слово «мы», хотя отец продолжал безучастно смотреть в стену, – долго думали о твоём будущем.

Селеста сделала театральную паузу, её пальцы нежно поглаживали ручку чайника.

– Ты уже взрослая девица. Но... будем честны: бесприданница. Без связей. Без воспитания. И без особых талантов, – её взгляд скользнул по моему грязному переднику. – В приличном обществе тебе места нет. Ты будешь лишь обузой для семьи, которая и так переживает не лучшие времена.

Фелинар вдруг моргнул. Медленно перевел взгляд на меня. На секунду – всего на одну жалкую секунду – в его мутных глазах мелькнуло что-то осмысленное. Тень боли? Испуг? Узнавание?

– Иса... – его губы шевельнулись беззвучно.

Но действие Трагуса уже накрывало его мутной волной. Взгляд снова остекленел, голова чуть склонилась набок. Он снова ушел.

– Однако мы милосердны и не хотим вышвыривать тебя на улицу, – голос Селесты зазвенел фальшивым великодушием. – Мы вспомнили о твоей... нездоровой тяге к корешкам и старым книжкам. Вся в мать.

Упоминание мамы прозвучало как плевок. Я сжала кулаки за спиной так, что ногти впились в ладони.

– Поэтому мы нашли решение, – Селеста улыбнулась, и эта улыбка не предвещала ничего хорошего. – Ты отправишься в путешествие. Мы договорились. Тебя ждут в Академии вечной зимы.

Сердце пропустило удар.

Академия? Место из легенд? Место, куда я мечтала сбегать? Обитель знаний, цитадель магии, где когда-то училась мама! В моих самых смелых мечтах я видела себя в этих древних залах. Надежда, яркая и обжигающая, ударила в грудь.

Я подняла глаза на мачеху, на мгновение забыв про страх. Неужели? Неужели в ней осталась хоть капля человечности?

Селеста безошибочно уловила этот взгляд. В её серых глазах вспыхнуло удовольствие хищника, загнавшего жертву в угол. Её губы медленно растянулись в торжествующей улыбке.

– О, не смотри на меня так, милая, – протянула она сладко, наслаждаясь моментом. – Ты же не думала, что мы оплатим твоё обучение? Это стоит баснословных денег. Золота, которого у нас, увы, нет. Даже для родной дочери это было бы расточительством, а уж для тебя...

Она демонстративно обвела рукой богатую обстановку столовой, словно намекая на тяжёлую нужду, в которой мы якобы жили.

– Поэтому я проявила чудеса дипломатии и договорилась об... особых условиях. Ты поедешь в Академию. Но на положении прислуги.

Мир качнулся.

– Прислуги? – слово вырвалось само собой, хриплое, жалкое.

– Именно, – кивнула Селеста. – Будешь работать на кухне, мыть полы в аудиториях, чистить котлы – делать то, что у тебя получается лучше всего. Это покроет твоё скудное питание и право... дышать одним воздухом с настоящими магами.

Она сделала паузу, смакуя каждое слово, как изысканный десерт.

– Это великая милость, Иса. Шанс, который выпадает не каждой замарашке. Ты должна в ноги поклониться отцу за такую щедрость.

Шок сменился ледяным ужасом. Прислугой? В Академии?

Я буду видеть, как другие учатся магии. Буду слышать лекции, стоя на коленях с тряпкой. Буду тенью, бесправным существом в месте, которое должно было стать моим домом. Это было не спасение. Это была изощренная пытка.

Я перевела взгляд на Фелинара. Он всё так же сидел, уставившись в черную гладь своего отвара, словно не слышал ни слова.

– Папа? – мой голос дрогнул. – Я... я буду только прислу-

гой? Не ученицей? Я не смогу посещать занятия?

Селеста рассмеялась – звонко, рассыпчато.

– Ученицей? Ты? Не смей меня. Твоя участь – подавать, а не повелевать. Скажи спасибо, что тебя вообще пустят на порог.

Внутри что-то оборвалось. Терпение, страх, благоразумие – всё сгорело в одну секунду.

Я шагнула к столу, забыв, что мои руки в саже, забыв, кто передо мной.

– Как ты можешь?! – закричала я, глядя прямо в лицо отцу. – Как ты можешь так поступать со мной? Мама... Мама откладывала деньги! Я знаю!

Фелинар даже не шелохнулся, но я видела, как дрогнули его ресницы.

– Она показывала мне шкатулку! – я почти захлебывалась от обиды и отчаяния. – Там было золото! Она копила годами, чтобы я могла учиться! Это были мои деньги! На мое будущее! Где они, папа?!

Селеста перестала улыбаться. Её лицо стало жестким каменным. Она резко повернула голову к мужу.

– Фелинар, объясни этому неблагодарному существу положение вещей.

Отец медленно, с видимым усилием оторвал взгляд от чашки. Его лицо было серым безжизненным. Глаза, затуманенные Трагусом, смотрели сквозь меня. Он напоминал сломанную куклу, которую дергают за нитки.

– Денег... нет, – произнес он глухим скрипучим голосом. Каждое слово давалось ему с трудом, словно он читал чужой текст. – Всё ушло... на долги. Дом требует... расходов.

– Но мама... – прошептала я, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы.

– Денег нет, – повторил он тем же ровным, мертвым тоном и снова потянулся к чашке с дурманом. – Тема закрыта. Ты едешь служанкой. Или уходишь на улицу.

Его пальцы, бледные и дрожащие, уже почти сомкнулись на ручке чашки. Я смотрела на эту черную жижу, на пар, поднимающийся над ней, и в голове что-то щелкнуло. Ярость, горячая и неудержимая, затопила сознание. Я не позволю ему сделать этот глоток. Я не позволю ему спрятаться в тумане, когда он рушит мою жизнь!

Моя рука метнулась вперед сама собой. Резкий отчаянный удар наотмашь. Я метила по руке отца, но попала по чашке.

Фарфор вырвался из его ослабевших пальцев и полетел вниз.

– Мой сервиз! – взвизгнула Селеста нечеловеческим голосом.

Она среагировала с пугающей змеиной скоростью. Наплевав на приличия, она нырнула под стол, пытаясь спасти драгоценную вещь. Её ладони сомкнулись на чашке в тот самый миг, когда та должна была разлететься вдребезги о паркет.

Селеста поймала её, но горячий Трагус выплеснулся через

край – прямо на её белые холеные руки.

– Тв-варь! – зашипела мачеха, выпрямляясь. Лицо её перекосило от боли и ярости. Кожа на кистях покраснела, но чашку она так и не выпустила, прижимая к груди, как младенца. – Ты хоть понимаешь, сколько это стоит?!

Я тяжело дышала, глядя на отца. Я ждала реакции. Крика, удара, хотя бы испуга.

Но Фелинар сидел неподвижно. Его рука так и осталась висеть в воздухе, в той позе, в которой он держал чашку. Он смотрел на пустую скатерть бессмысленным, пустым взглядом. Ни звук падения чашки, ни вопль жены не пробились сквозь пелену дурмана. Он был здесь, но его разум умер.

Селеста аккуратно поставила спасенную чашку на стол. Её глаза, сузившиеся в щелки, горели холодным огнем. Она посмотрела на свою обожженную руку, потом на меня.

– Ты хотела на улицу? – прошептала она голосом, от которого мороз пошел по коже. – Ты хотела знать, каково это – быть служанкой?

Мачеха шагнула ко мне. Я попятилась, но она вцепилась мне в волосы. Рывок был такой силы, что из глаз брызнули слезы.

– В этом доме ты больше не переночуешь, – прошипела Селеста мне в лицо, брызгая слюной. – Раз ты так любишь холод, привыкай к нему сейчас. Перекресток миров не прощает слабости, и я тоже.

Мачеха потащила меня прочь из столовой, через кухню,

к черному ходу. Я пыталась упираться, хваталась за косяки, но в её ярости была нечеловеческая сила.

Дверь распахнулась в ночную темноту. В лицо ударил ледяной осенний ветер с дождем.

– Вон! – Селеста толкнула меня в грязь двора. – Переночуешь в старой псарне. Без одеяла. Без огня. Чтобы к утру знала свое место, дрянь. И если посмеешь вернуться в дом до рассвета – я прикажу конюху выпороть тебя так, что ты не сможешь сидеть в карете.

Дверь захлопнулась с тяжелым стуком. Лязгнул засов.

Я осталась одна в темноте, под проливным дождем, сидя в луже. Холод мгновенно пробрал до костей. Я посмотрела на светлые окна столовой. Там, в тепле, остался мой отец – живой мертвец, которому было всё равно.

Я поднялась, отжимая мокрый подол. Зубы начали выбивать дробь. Старая псарня, продуваемая всеми ветрами, чернела в углу двора.

Что ж. Пусть. Я пойду туда. Я переживу эту ночь.

Завтра я уеду. И клянусь, однажды вернусь сюда – не служанкой, а хозяйкой своей судьбы. И тогда этот фарфор полетит на пол вместе с её властью.

Старая псарня встретила меня запахом прелой соломы, сырости и забытого собачьего страха. Дверь держалась на одной петле и жалобно скрипела под порывами ветра, впуская внутрь ледяные брызги дождя.

Я заползла в самый дальний, относительно сухой угол и

свернулась калачиком на куче старых мешков. Платье, промокшее от дождя, липло к телу ледяной коркой. Зубы стучали так, что, казалось, крошилась эмаль. Но холод был ничем по сравнению с огнем, бушевавшим внутри.

Унижение жгло кожу, как кислота. Меня вышвырнули из собственного дома, как шелудивого пса. Меня лишили наследства, имени, будущего. Меня заставили смотреть, как медленно убивают отца, и запретили его спасать.

Я закрыла глаза, чувствуя, как тьма смыкается вокруг. Казалось, эта ночь никогда не кончится. Казалось, проще остаться здесь, замерзнуть, уснуть и не проснуться, чтобы не видеть завтрашнего позора.

И вдруг, сквозь гул в ушах и вой ветра, пробился голос. Теплый. Любящий. Мамин.
«Иди туда, где слышишь свое сердце».

Сердце? Оно бешено колотилось сейчас в грудной клетке, кричало от боли и ярости. Но сквозь этот крик пробивался другой звук – зов. Зов далекой Академии, места силы, места, где могла быть правда о маме. Даже сквозь грязь и унижение служанки.

Я поеду. Я пробьюсь. Я узнаю правду. И я запомню этот "чай", эту чашку, эту пустоту в глазах отца. Запомню навсегда.

Академия... – подумала я, глядя в щель в стене на темноту ночи, где, несмотря на тучи, мне чудились первые звезды.

Я иду. Даже на мерзких условиях Селесты. Но это только начало. Мое начало.

Глава 4. Закон сильных

Рассвет только коснулся крыш серым безжизненным светом, когда я открыла глаза. Тело затекло так, что каждое движение отдавалось болью. В нос ударил запах мокрой псины и старой соломы – запах моего ночлега.

Я выбралась из псарни, дрожа от утреннего холода. В доме было тихо. Окна темные. Селеста, вероятно, спала сладким сном, уверенная, что сломала меня.

Но она ошиблась. Я не собиралась покорно ждать карету. В моей голове билась одна мысль: Трагус. Я знала, что отца травят. И если я уеду сейчас, не попытавшись ничего сделать, то стану соучастницей.

Я оглядела себя. Платье измято и в пятнах грязи, на подоле прилипла солома, руки в саже, которую не удалось оттереть вчера. Вид жалкий. Но это не важно. Главное – дойти до Управы Городского Магистрата. Там сидят стражи закона. Они должны выслушать. Они должны проверить дом. Если они найдут зелье... Селесту арестуют.

Я проскользнула через заднюю калитку, стараясь не скрипнуть петлями, и побежала по брусчатке в сторону центра города. Холодный ветер жег лицо, но я бежала, подгоняемая надеждой.

Управа встретила меня тяжелыми дубовыми дверями и запахом табака. Дежурный офицер – грузный мужчина с

красным лицом и мутными глазами – лениво жевал булку, листая какие-то бумаги.

– Чего тебе, оборванка? – буркнул он. – Подаяние просят у храма, здесь Управа.

– Я не за милостыней, – старалась говорить твердо, выпрямив спину, хотя голос предательски дрожал. – Я хочу заявить о преступлении. О покушении на жизнь.

Офицер перестал жевать и поднял на меня тяжелый взгляд.

– Ишь ты. И кого же убивают? Крысу в твоём подвале?

– Моего отца. Фелинара Валериса.

Услышав фамилию, он поперхнулся и наконец-то посмотрел на меня с интересом. Или, скорее, с недоумением.

– Валериса? – офицер смерил меня взглядом с головы до ног, задержавшись на грязном подоле и растрепанных волосах. – А ты, стало быть, кто? Его потерянная принцесса?

– Я его дочь, Исанта Валерис, – я подошла к стойке, сжимая кулаки. – Моя мачеха, Селеста, опаивает его дурманом! Она дает ему Трагус. Он теряет рассудок, он превратился в овощ! Вы должны послать лекаря! Вы должны обыскать дом!

Офицер медленно отложил булку. На его лице расплылась кривая ухмылка.

– Леди Селеста? Эта прекрасная женщина? – он хохотнул. – Я видел её на балу на прошлой неделе. Достойнейшая дама. А вот ты...

Он встал, нависая над стойкой.

– Ты посмотри на себя, девка. От тебя разит псиной за версту. У тебя грязь под ногтями. Ты похожа на поломойку, которая стащила хозяйское вино и теперь несет бред.

– Я не пьяна! – закричала я, чувствуя, как отчаяние подступает к горлу. – Я ночевала в псарне, потому что она выгнала меня! Она опасна! Пожалуйста, просто проверьте!

– Проверить? – голос стража закона стал жестким. – Ты предлагаешь мне ворваться в дом уважаемого дворянина по навету грязной попрошайки? Знаешь, что полагается за клевету на аристократов? Плетки.

Офицер вышел из-за стойки. Я попятилась.

– Но это правда...

– Вон отсюда! – рывкнул он, хватая меня за плечо. Его пальцы больно впились в руку. – Убирайся, пока я не бросил тебя в камеру проспать. И если еще раз услышу, как ты поливаешь грязью леди Селесту, лично выпорю на площади.

Офицер толкнул меня к выходу. Я споткнулась, едва удержавшись на ногах, и вылетела за тяжелые двери прямо на мостовую.

– Пшла! – гаркнул он напоследок и захлопнул дверь.

Я осталась стоять на улице. Мимо катились телеги молочников, город просыпался. Люди брезгливо обходили меня стороной, морща носы.

Закон сильных. Вот как это работает. Если у тебя шелк и золото – ты святая, даже если травишь мужа ядом. Если у тебя грязь на платье и правда на устах – ты сумасшедшая

оборванка. Слезы бессилия навернулись на глаза, но я смахнула их грязным рукавом.

Всё. Пути назад нет. Здесь мне никто не поможет. Спасти отца сейчас я не могу – меня просто запрут в темницу, а он останется с ней наедине. У меня остался один выход. Тот самый, который мне швырнули как подачку.

Я развернулась и побежала обратно к дому. Нужно успеть до того, как проснется Селеста. Нужно забрать свои вещи, найти то растение из чулана. Как его мама называла? Ночной ландыш.

Теперь я знала точно: чтобы победить чудовищ в шелках, мне самой нужно стать сильной. Мне нужна магия. И я получила её в Академии, чего бы мне это ни стоило.

Я бежала обратно, не чувствуя ног. Злость на продажно-го стражника утихла, уступив место холодной решимости. У меня мало времени. Если Селеста проснется и увидит, что меня нет в псарне – будет скандал. Но если она найдет мой тайник... я потеряю всё, что осталось от мамы.

Я проскользнула в дом через окно своей бывшей спальни. В доме все еще пахло вчерашним ужином. Желудок скрутило болью – я не ела уже несколько дней. Тишина давила на уши. Я на цыпочках, стараясь не дышать, взбежала по лестнице на чердак – в ту единственную каморку, которую была выделена мне Селестой.

Там, в дальнем углу, под расшатанной половицей, лежало моё сокровище. Селеста перерыла весь дом в поисках мамин-

ных драгоценностей, но она искала золото и камни в шкатулках. Ей и в голову не пришло бы искать под гнилой доской, прикрытой старым ковриком.

Я отодвинула доску. Сердце екнуло – всё было на месте.

Первым делом я достала дневник Элиары. Маленькая книжица в потертom кожаном переплете. Я провела пальцами по обложке. Страницы исписаны странными пляшущими символами. Мама говорила, что прочесть их сможет только тот, кто держит в руках ключ – наш фамильный кулон. Без него это просто набор закорючек. Но я помнила, как в детстве видела: под лунным светом эти знаки превращались в изящную вязь. Там были рецепты. Зелья, которых не знают обычные аптекари. Моё будущее учебное пособие. Я сунула дневник на дно старой холщовой сумки.

Следом я извлекла сам ключ. Кулон «Лунное Око».

Он лежал в маленькой деревянной шкатулке с резьбой в виде папоротников. Камень в форме полумесяца тускло блеснул в полумраке. Серебро оправы потемнело от времени, но, стоило мне взять его в руки, как по пальцам разлилось знакомое, едва уловимое тепло. Этот артефакт защищал владельца. Он мог приглушить боль, отвести недобрый взгляд... но только если помыслы хозяина чисты.

Я быстро застегнула цепочку на шее и спрятала кулон под грязный воротник платья. Пусть он греет мне сердце. Теперь я не так одинока.

Третьим был перстень дома Кайрентель. Массивный с

темным камнем и резным знаком рода. Реликвия, ожидающая «достойную» дочь. Так было написано мелким шрифтом на кольце. Что это значило я не знала. Что это за дом Кайрентель мне тоже неизвестно, мамина фамилия в девичестве была другой. Но у этого перстня точно были свои тайны, ведь мама прятала его даже от меня. Я нашла его только после ее смерти.

Я надела кольцо на палец. Оно было велико, но тут же, словно почувствовав мою кровь, чуть сжалось, садясь по размеру. И... нагрелось. Легкое, приятное тепло коснулось кожи.

Ты на верном пути, Иса, – словно шепнуло оно.

Это придало мне сил. Я действительно делаю всё правильно.

Перстень я сняла и спрятала в шкатулку с Лунным оком. Если Селеста увидит эти сокровища, то обязательно отнимет.

Мамино письмо – последние слова, написанные её рукой, я достала из кармана и сложила в сумку. Перед этим с тоской перебрала несколько пустых листков, погладила их пальцами. Только на первом листке было написано загадочное: «Никому не показывай корни».

Оставалось последнее. Самое хрупкое.

Я поспешила в чулан. Там, в тени, стоял неприметный глиняный горшок. Ночной ландыш.

Растение выглядело скромно: тонкий чахлый стебелек, ни

одного бутона. Но я знала его силу. Один лепесток, брошенный в зелье, очищал его от любой порчи и яда. Мама говорила, что этот цветок живет только в руках наследников её крови. У Селесты он завял бы за день. У меня же он, вопреки холоду и темноте чулана, выпустил новый листок.

– Ты едешь со мной, малыш, – шепнула я, бережно укутывая горшок в свою единственную простынь и уложила в сумку. – Мы не оставим тебя здесь.

Спрятав сумку за спину, я тихо выскользнула из чулана. В доме все еще стояла тишина, нарушаемая лишь храпом отца. Кареты не было слышно, и я не знала, когда она прибудет – через час или к полудню. Это давало мне крошечный шанс.

Я не могла ехать так. Просто не могла.

Окинула себя взглядом и чуть не заплакала от злости. Изодранное серое платье, в котором я вчера чистила камин, теперь было покрыто пятнами сажи и соломой. А на ногах... Вместо моих любимых сафьяновых сапожек – грубые, стоптанные башмаки, жесткие, как дерево. В таких ходили портовые грузчики, а не дочери имперских чиновников.

Мой отец был не последним человеком в городе. Мы никогда не нуждались. Я помнила свои шкафы, полные платьев: нежно-голубой бархат для зимних приемов, легкий шелк для летних прогулок, строгие костюмы для верховой езды. Мама любила баловать меня...

Стараясь не скрипеть половицами, я поднялась на второй этаж и замерла перед дверью, которая когда-то вела в мою

спальню. Теперь Селеста превратила её в свою гардеробную, заявив, что ей «тесно» в хозяйских покоях.

Я толкнула дверь. Она бесшумно отворилась. В нос ударил густой приторный запах духов мачехи, перебивший родной запах этой комнаты. Я кинулась к огромным платяным шкафам.

– Пожалуйста, – шептала я, открывая створки дрожащими руками. – Хоть что-нибудь. Хоть самое простое дорожное платье. Хоть старую юбку.

В шкафах висели ряды роскошных нарядов Селесты. Парча, кружева, мех. Я лихорадочно перебирала вешалки, отшвыривая в сторону её кричащие туалеты, пытаюсь найти в глубине знакомую ткань.

Пусто.

Я бросилась к комодам. Выдвигала ящик за ящиком, перерывая белье, перчатки, чулки.
Ничего. Ни одной моей вещи. Ни ленты, ни платка.

Я замерла посреди комнаты, чувствуя, как холодный ужас сковывает внутренности. Она продала всё. Каждую тряпку, каждую мелочь, напоминавшую о том, что здесь жила дочь хозяина. Она вычистила память обо мне так же тщательно, как вымела пыль из углов.

Я подошла к ростовому зеркалу в золоченой раме. Из зазеркалья на меня смотрело чучело. Всклопоченные грязные волосы, лицо в разводах копоти, мешковатое рубище, висящее на худых плечах. И эти уродливые, огромные башмаки.

– Как я покажусь в Академии? – прошептала я своему отражению. – Там учатся дети лордов, наследники древних родов. А я приеду как нищенка, сбежавшая с паперти?

Это был позор. Жгучий, невыносимый стыд. Они засмеют меня еще до того, как я переступлю порог. Меня примут за бродяжку. Я обхватила плечи руками. Казалось, план рушится, даже не начавшись. Селеста победила. Она не просто выгнала меня, она уничтожила мое достоинство.

Сглотнув слезы, я заставила себя встать. Нужно спуститься. Нужно хотя бы умыться. Если не могу сменить одежду, хотя бы смою с себя грязь псарни. Я спустилась на первый этаж, крадучись, как вор в собственном доме. Путь лежал через кухню.

Там было прохладно. Очаг на ночь тушили. Но запах я почувствовала. На столе, брошенное нерадивой кухаркой, стояло блюдо с остатками вчерашнего пиршества. Недоеденная утиная ножка в застывшем жиру, надкушенный кусок белого хлеба, половина печеного яблока.

Я замерла. Желудок скрутило спазмом такой силы, что я согнулась пополам. Голод, звериный и беспощадный, затмил разум. Мысль о мытье мгновенно вылетела из головы.

Я подошла к столу. Руки тряслись. Схватила утиную ножку, холодную жирную, и впилась в неё зубами, даже не чувствуя вкуса. Я глотала куски, почти не жуя, давясь, пачкая пальцы и подбородок в соусе. Следом пошел хлеб. Я запихивала его в рот, торопясь, словно боялась, что еда исчезнет. В

этот момент я не была леди Исантой Валерис. Я была голодным зверьком, загнанным в угол.

– Какая омерзительная картина.

Голос прозвучал как удар хлыста. Я поперхнулась, выронив недоеденный хлеб.

В дверях стояла Селеста. Она уже была одета – в безупречное утреннее платье цвета шампанского. Её лицо исказила гримаса чистого отвращения, смешанного с торжеством.

– Я знала, что ты ничтожество, Иса, – она медленно вошла в кухню, цокая каблуками. – Но не думала, что ты опустишься до воровства объедков. Ты выглядишь как крыса. И ешь как крыса.

Я попыталась проглотить застрявший ком, но горло перехватило. Отступила к раковине, чувствуя, как щеки горят огнем.

– Я... я не ела два дня... – прохрипела я. Оправдание прозвучало жалко.

Селеста подошла вплотную. В её глазах плясали злые искры.

– Ты посмела войти в дом, хотя я запретила, – прошипела она. – Ты крадешь мою еду. Ты пачкаешь мою кухню своим присутствием. Тебе так хотелось набить брюхо?

Взгляд мачехи упал на большой кувшин с водой, стоявший на краю стола. Вода в нем была холодной, набранной для утренней готовки.

– Ты, кажется, хотела пить? Или, может быть, помыться?

Она схватила кувшин. Я не успела даже дернуться.

Ледяной поток обрушился на меня. Дыхание перехватило. Вода залила лицо, волосы, попала за шиворот, мгновенно пропитав и без того грязное платье. Жир с моих рук и лица смешался с водой, растекаясь грязными разводами по ткани.

Я ахнула, отфыркиваясь, дрожа от холода и шока. Вода хлупала в моих ужасных башмаках. Теперь я была не просто грязной – я была мокрой жалкой курицей.

– Вот так, – с удовлетворением произнесла Селеста, ставя пустой кувшин на стол. – Теперь ты готова. Крысам место в сырости.

В этот момент со двора донесся звук колес и грубый окрик возницы.

– Карета подана, дорогая падчерица, – улыбка Селесты стала хищной. – Убирайся из моего дома. Прямо сейчас. В таком виде. Пусть все видят, кого вырастил Фелинар.

Она указала на дверь наманикюренным пальцем.

– Вон! И если ты посмеешь задержаться хоть на секунду, чтобы вытереться, я прикажу спустить собак. На этот раз – по-настоящему.

Глава 5. Изгнанница

Я вышла на крыльцо, оставляя за собой мокрые следы. Вода пропитала платье насквозь, ткань липла к ногам, скользя движения. Утренний ветер тут же пробрался под мокрую одежду, заставляя зубы выбивать дробь, но я стиснула челюсти до боли. Я не дам мачехе удовольствия видеть, как я дрожу.

Я обвела взглядом двор, и сердце сжалось еще сильнее. Как же быстро все пришло в упадок. Там, где мама выращивала свои любимые белые пионы, теперь торчали сухие палки — Селеста приказала выкорчевать их, заявив, что у нее аллергия. Старая беседка, увитая плющом, где отец когда-то читал мне сказки, покосилась и облупилась, похожая на гнилой зуб. Дом умирал вместе с нами.

Во дворе собрались слуги. Кухарка, конюх, пара горничных — они высыпали наружу, жадно перешептываясь. В их глазах не было ни капли сочувствия, только злорадное любопытство. Искать поддержки не у кого: всех старых, преданных слуг, что помнили маму и нянчили меня в детстве, Селеста вышвырнула за порог в первый же день своего правления. Она заменила их этими людьми — чужими, равнодушными, под стать себе. Дочь хозяина, которую вышвыривают как побитую собаку — такого зрелища они еще не видели. Для них это бесплатный театр, и они жадно ловили каждую

деталь моего унижения.

У ворот стояла убогая открытая повозка. Возница, старик с лицом, похожим на печеное яблоко, с отвращением сплюнул, глядя на мой вид.

— Эй, хозяйка! — крикнул он Селесте, которая вышла следом за мной. — Я скотину вожу чище, чем эту девку. Надеюсь, она не завшивела?

— Не беспокойся, Грат, — усмехнулась мачеха. — Если начнет чесаться, высадишь в канаву.

Я подошла к телеге, прижимая к груди свою единственную сумку. В ней было всё. Моя жизнь, мое прошлое, моя надежда.

Я уже занесла ногу, чтобы забраться на грязные доски, когда голос Селесты хлестнул по спине:

— Стоять!

Я замерла.

Селеста подошла ближе, её взгляд, острый и цепкий, впился в мою холщовую сумку.

— А что это у нас там? — протянула она, и её ноздри хищно раздулись. — Ты уходишь слишком тихо, Иса. И эта сумка... она выглядит тяжелой для пары тряпок.

Она шагнула ко мне, протягивая руку с длинными острыми ногтями.

— Ты, маленькая воровка, наверняка прихватила что-то из моего серебра. А ну, дай сюда!

Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в мокрые баш-

маки. Если она откроет сумку... Она увидит дневник. Увидит перстень. Ночной ландыш. Она заберет всё, и тогда все потеряет смысл. Я останусь ни с чем.

— Нет, — выдохнула я, отступая к колесу телеги. — Здесь только мои вещи. Старые платья.

— Не ври мне! — взвизгнула Селеста, хватаясь за лямку сумки. — Отдай!

Мачеха дернула сумку на себя. Я вцепилась в неё обеими руками. Силы были неравны: я истощена и замерзла, а Селеста пылала яростью.

— Слуги! — рывкнула она, не отпуская сумку. — Обыскать её!

В этот момент отчаяние захлестнуло меня с головой. Мама, помоги мне... Моя рука под мокрым платьем судорожно сжалась на груди, нащупывая холодный металл Лунного ока.

«Защити... отведи её... пожалуйста, пусть она уйдет...» — взмолилась я про себя, вкладывая в эту мысль всю свою боль и страх. Кулон под пальцами раскалился. Не обжигая меня, он пульсировал теплом, которое волной пошло от моего сердца.

Селеста вдруг замерла. Её пальцы, вцепившиеся в лямку, разжались. Глаза остекленели, словно она на мгновение забыла, где находится. Лицо исказила гримаса внезапного иррационального ужаса смешанного с брезгливостью. Словно она держала в руках не сумку, а кусок гнилого мяса.

Мачеха резко отдернула руку, отшатнувшись от меня, как

от прокаженной.

— Убери... убери это от меня! — взвизгнула она, вытирая ладонь о свое дорогое платье, будто испачкалась в слизи. — Фу! От тебя разит смертью и плесенью!

Селеста сама не поняла, что произошло. Она смотрела на сумку с таким ужасом, словно та кишела червями.

— Пошла вон! — закричала мачеха, пятясь к крыльцу. — Убирайся с глаз моих! Чтобы духу твоего здесь не было! Грат, гони! Увези эту падаль!

Селеста, брезгливо отряхнув руки, скрылась в прохладном полумраке холла. Дверь за ней не захлопнулась. На пороге возникла еще одна фигура.

Я снова замерла, не дойдя до телеги. Сердце, которое, казалось, уже окаменело, вдруг предательски екнуло.

Отец.

Фелинар Валерис стоял, опираясь рукой о косяк, словно ему трудно держать собственный вес. Он был в домашнем камзоле, мятом и несвежем. Лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, а взгляд казался расфокусированным, устремленным куда-то сквозь меня, сквозь двор, в пустоту.

Я медленно, хлюпая мокрыми башмаками, подошла к ступеням крыльца.

— Папа... — тихо позвала я.

Отец медленно перевел взгляд на меня. В его глазах не было узнавания, только глухая, беспросветная усталость.

Я вгляделась в его лицо и едва сдержала стон. Вблизи

было видно то, что скрывал полумрак холла. Его зрачки неестественно расширены, почти закрывали радужку, а нашее пульсировала темная венка. От одежды пахло не табаком, как раньше, а приторной душной сладостью — запах трагуса. Я шагнула ближе, протягивая к нему дрожащие от холода руки. Вода с подола капала на камень ступеней.

— Папа, посмотри, — голос мой сорвался. — Посмотри, в чем меня выгоняют.

Я развела руками, демонстрируя грязные лохмотья, мокрые волосы, ужасную обувь.

— Неужели ты не заступишься? — в этом вопросе было столько детской, наивной боли, что мне самой стало тошно. — Неужели тебе меня ни капельки не жаль? Я твоя дочь!

Отец молчал. Его лицо дернулось, словно от зубной боли. Он отвел взгляд в сторону, разглядывая облупившуюся краску на перилах.

— Мне нужно помыться и переодеться, — взмолилась я, хватаясь за последнюю надежду. — Пусть во что-то недорогое, но чистое... Папа, я не могу ехать так. Это позор для дома Валерисов. Пожалуйста... скажи ей.

Повисла тишина. Слышно было только, как фыркает лошадь и нетерпеливо вздыхает возница.
Отец наконец пошевелился. Он сунул руку в карман камзола, и я на секунду поверила, что он достанет ключ от гардеробной или позовет слуг.

Но он вытащил лишь смятый носовой платок и промокнул

лоб.

— Селеста... она лучше знает, как распоряжаться хозяйством, — пробормотал он глухим, безжизненным голосом, так и не глядя мне в глаза. — Не спорь с ней, Исанта. Не делай хуже.

— Хуже?! — выкрикнула я. — Куда уж хуже, папа?! Я стою перед тобой мокрая и голодная, а ты...

Отец поморщился и попятился назад, в тень дома.

— Поезжай, дочь. Работай прилежно. Это... это твой шанс.

И с этими словами, жалкими и пустыми, он взялся за ручку двери.

— Папа! — крикнула я в отчаянии.

Дверь захлопнулась. Щелкнул засов.

Я осталась одна перед закрытой дверью дома, в котором родилась.

Рыдания рвались из груди глухими лающими звуками. Я закрыла лицо ладонями. Боль предательства была острее, чем голод, страшнее, чем холод. Папа... Мой папа, который когда-то сажал меня на плечи, чтобы я могла достать до яблок в саду. Теперь он заперся от меня, как от чумы, выбрав покой рядом с чудовищем, а не родную дочь.

— Эй! — грубый окрик Грата хлестнул по ушам, перекрывая шум ветра. — Хватит сырость разводить! У меня не весь день в запасе. Полезай в телегу, или я уеду пустой! Мне заплатили только за доставку, а не за прослушивание твоих

соплей.

Я вздрогнула, словно от удара. Сквозь пелену слез увидела ухмылки слуг у конюшни. Они переглядывались, тыча в мою сторону пальцами. Это зрелище — униженная, плачущая госпожа в грязи — доставляло им извращенное удовольствие.

Вдруг, где-то в самой глубине души, под слоями отчаяния и боли, шевельнулась холодная, колючая злость. Не дождетесь. Я не дам вам повода смеяться надо мной.

Я с силой размазала слезы по лицу грязным мокрым рукавом. Шмыгнула носом, сглатывая горький ком, и заставила себя выпрямиться.

Подойдя к телеге, одним рывком забросила сумку в кузов. Потом, цепляясь онемевшими пальцами за шершавые занозистые доски борта, подтянулась сама. Тяжелое от воды платье тянуло вниз, огромные башмаки скользили по спицам колеса, но я, стиснув зубы, перевалилась через край и рухнула на колючую прелую солому.

— Ну, наконец-то, — буркнул старик, даже не обернувшись, и со всей силы стегнул клячу. — Но-о, пошла!

Телега резко дернулась, и меня больно ударило плечом о деревянный борт. Колеса загрохотали по брусчатке двора, каждый камень отдавался вибрацией во всем теле. Я вжалась в угол повозки, стараясь стать как можно меньше. Подтянула колени к груди, пытаюсь сохранить крохи тепла, и крепко обхватила руками сумку — единственное, что у меня оста-

лось от прежней жизни.

Мы проехали через распахнутые ворота, колеса прогрехотали по мосту. Я все-таки обернулась. Окна моей комнаты на втором этаже были темными, словно выколотые глаза. Ветер гнал по аллее сухие листья, замечая следы моего бегства.

— Я вернусь, — одними губами прошептала я, глядя на удаляющийся силуэт дома. — Слышишь, папа? Я выживу и вернусь. Я найду противоядие и вышвырну эту гадину из нашего дома. Клянусь.

Тот человек, что остался за дверью, не был моим отцом — это лишь его тень, сломленная ядом. И я не имела права злиться на него. Только на себя — за то, что пока слишком слаба, чтобы его спасти. Теперь я была одна. Впереди только дорога, холод и неизвестность. Но у меня была цель.

Путь превратился в пытку. Пока я кипела от злости и адреналина, холод казался терпимым, но стоило поместью скрыться за поворотом, как реальность взяла свое.

Поздняя осень в наших краях безжалостна. Ветер, пропитанный сыростью болот, пробирал до костей. Мое платье, насквозь мокрое после "душа", который устроила мачеха, начало замерзать, превращаясь в ледяной панцирь. Ткань натирала кожу, каждое движение отзывалось болью. У меня не было ни шали, ни накидки, хотя здесь не помешала бы шубка. Но о ней можно только мечтать.

Я зарылась в солому, пытаюсь найти хоть каплю тепла, но солома была прелой и влажной. Меня била крупная дрожь.

Зубы выбивали чечетку так громко, что Грат, сидевший ко мне спиной, недовольно ворчал, натягивая поглубже свой теплый тулуп.

— Господин Грат, — прохрипела я, чувствуя, как дерёт горло. — Далеко ли еще?

— Сиди тихо, — буркнул он, не оборачиваясь.

— У вас нет хоть какой-нибудь тряпки, чтобы укрыться? — жалобно попросила я. Тут было уже не до гордости.

— Ничего у меня нет, — сурово отрезал возница. — У папочки надо было просить.

Я обиженно замолчала, поняла, что от этого человека сочувствия не дождешься. Некоторые люди его напрочь лишены...

Часы тянулись бесконечно. Серые пейзажи сменились темным лесом. Небо налилось свинцом, и начал накрапывать мелкий колючий дождь со снегом. Меня начало знобить по-настоящему. Голова стала тяжелой, перед глазамиплыли цветные круги. Кажется, я проваливалась в липкое горячее забытие, из которого меня вырывали только особо сильные толчки телеги на ухабах. Я чувствовала, как жар растекается по телу, хотя руки и ноги совсем онемели от холода. Я заболела, и заболела серьезно.

Очнулась я от того, что телега резко остановилась.

Вокруг непроглядная ночь. Лишь с одной стороны дороги горел тусклый фонарь, освещаая вывеску, скрипящую на ветру. Это была приземистая, бревенчатая таверна, стоящая

посреди глухого леса. Из узких окон лился мутный желтый свет, слышались пьяные голоса и звон кружек.

— Приехали! — рявкнул Грат, прыгивая с козел. — Слезай!

Я с трудом разлепила веки. Тело не слушалось. Я попыталась пошевелиться, но ноги затекли настолько, что я просто вывалилась из телеги, больно ударившись коленями о мерзлую землю. Сумка шлепнулась рядом в грязь.

— Где мы? — прошептала я, с трудом поднимаясь и опираясь о колесо.

— Тракт «Волчья падь», — бросил возница, проверяя упряжь. — Дальше я не поеду. Мне велено доставить тебя до тракта.

— Но... — я растерянно огляделась. Вокруг стеной стоял черный лес. — Куда мне теперь? Как добраться до Академии вечной зимы? Грат, я не знаю дороги!

Старик лишь усмехнулся, забираясь обратно на облучок.

— Я тебе не нянька, госпожа. Язык есть — спросишь. Если кто с тобой разговаривать станет.

Возница свистнул кляче. Телега скрипнула и покатилась прочь, растворяясь в темноте.

— Грат! Пстой! — крикнула я, но из горла вырвался лишь жалкий сип.

Стук копыт затих. Я осталась одна.

Ветер завывал в верхушках елей. Снег с дождем хлестал по лицу. Передо мной светились окна таверны — единствен-

ного островка жизни на много миль вокруг. Оттуда пахло жареным мясом и дымом, и от этого запаха желудок скрутило болезненным спазмом.

Я шагнула к двери, но тут же замерла. Рука инстинктивно прижалась к карману, где не было ничего.

У меня нет денег. Ни медной монеты. Селеста не дала мне ни гроша.

Как я заплачу за еду? За ночлег? Да что там ночлег — меня даже на порог не пустят в таком виде: грязную мокрую, дрожащую бродяжку. А просить милостыню... Гордость Валерисов вспыхнула во мне, но тут же погасла под натиском жара и слабости.

Я стояла посреди тракта, сжимая лямку сумки, и смотрела на чужие окна. Я не знала, в какой стороне Академия. Я не знала, переживу ли эту ночь на морозе. И впервые за этот бесконечный день мне стало по-настоящему страшно.

Глава 6. Вкус полыни

Я стояла перед дверью таверны, не решаясь коснуться грубого, обитого железом дерева. Сквозь щели сочился теплый свет и запахи – жареного лука, кислого пива и дыма. От этого густого духа к горлу подступила тошнота. С самого утра, когда я впопыхах сжевала ту холодную утиную ножку, у меня маковой росинки во рту не было, но голода я не чувствовала. Только жажду. Дикую, иссушающую жажду, от которой язык прилипал к небу.

«Ну же, Исанта, – приказала я себе. – Либо ты войдешь туда, либо умрешь под забором, как и предсказывала Селеста. Ты не доставишь ей такого удовольствия».

Собрав последние крупички воли, я навалилась плечом на тяжелую дверь. Она поддалась с протяжным противным скрипом. В лицо ударила волна жара и шума. Я шагнула через порог, оставляя грязные мокрые следы на досках пола.

Гвалт в таверне, секунду назад оглушительный, начал стихать. Сначала замолчал ближайший стол, где играли в кости, потом тишина, как круги по воде, разошлась до самой барной стойки. Откуда в такой глуши столько народу?

Десятки глаз уставились на меня. Бородатые наемники, усталые путники и возницы – все они разглядывали мокрую дрожащую фигуру в лохмотьях. Никто не видел во мне дочь лорда Валериса. Они видели лишь промокшую оборванку.

– Мы не подаем милостыню, – раздался густой бас.

Из-за стойки вышел хозяин – огромный детина с засаленным передником на необъятном животе. Он вытирал кружку грязной тряпкой и смотрел на меня с нескрываемым презрением.

– А ну, проваливай! Натащат грязи, а потом полы мой... Эй, слышишь? Дверь с той стороны!

Я попыталась выпрямиться. Гордость Валерисов, вбитая воспитанием, требовала ответить резко, поставить хама на место. Но из горла вырвался лишь жалкий хрип:

– Я... мне нужен ночлег.

По залу прокатился смешок.

– Ночлег? – хохотнул трактирщик, выходя из-за стойки.
– Для таких, как ты, ночлег в канаве. Здесь приличное заведение. Плати или выметайся.

Он шагнул ближе, протягивая ручищу, похожую на волосатый окорок, чтобы вышвырнуть меня обратно в ночь.

Я попятилась. Ноги запутались в тяжелом мокром подоле. Я инстинктивно прижала руку к груди, где под тканью был спрятан кулон матери – единственное, чем я могла бы расплатиться, но отдать его этому... Никогда.

– Нет денег – нет разговора! – рявкнул трактирщик, хватая меня за плечо.

Пальцы больно впились в тело. От резкого рывка голова закружилась окончательно. Темнота стремительно сгушалась по краям зрения. Я чувствовала, что падаю, но сил со-

противляться уже не было.

«Вот и все», – мелькнула безразличная мысль.

– А ну, убери от нее свои лапы, Грох!

Женский голос прозвучал властно и резко, как удар хлыста.

Трактирщик замер, не разжимая пальцев.

– Чего тебе, Ильда? – буркнул он, оглядываясь в темный угол зала. – Не видишь, бродяжка забрела.

– Я вижу, что ты, старый осел, готов выгнать на мороз девчонку, которая вот-вот свалится в горячке, – из полумрака выступила женщина.

Она не похожа на леди. Крупная широкоплечая, в добротном дорожном плаще и странном головном уборе, похожем на тюрбан. Её лицо, испещренное морщинами, казалось суровым, но в темных глазах не было той злобы, к которой я привыкла за последние дни.

Она подошла к нам решительным шагом, пахнуло горькими травами и сушеной полынью.

– Отпусти, – приказала Ильда, и в её голосе зазвенела сталь. – Я заплачу за её ужин и угол. А ты, Грох, принеси горячего отвара и одеяло. Живо!

Трактирщик недовольно засопел, но руку убрал. Я пошатнулась, лишившись опоры, и тут же почувствовала, как меня подхватили сильные, надежные женские руки.

– Тише, милая, тише, – голос женщины вдруг стал мягче. Она приложила прохладную ладонь к моему пылающему

лбу. – Ох, да ты горишь, как сухая лучина. Ну ничего. Тетушка Ильда знает, как выгонять хворь.

Это было последнее, что я услышала, прежде чем темнота окончательно поглотила меня.

Мир возвращался ко мне урывками, словно сквозь мутное запотевшее стекло.

Сначала пришло ощущение тепла. Живого сухого тепла, которое прогоняло ледяные иглы из костей. Кто-то стягивал с меня мокрое липкое платье. Я попыталась отбиться – страх перед чужими руками был сильнее слабости, – но меня удержали. Не грубо, но так крепко, что дергаться было бесполезно.

– Тише, воробышек, тише, – ворчливый голос, запах полыни. – Если останешься в этом тряпье, к утру дух испустишь.

Затем был вкус. Горький вяжущий, от которого свело челюсти. К моим губам прижался край глиняной чашки.

– Пей, – приказала женщина.

Я сжала зубы.

– Пей, говорю! Это не яд, хоть и гадость редкая. Корень огнежара и болотная мятка. Живо!

Она ловко надавила мне на подбородок, заставив открыть рот, и влила густую горячую жидкость. Горло обожгло, словно я глотнула жидкого огня, но как только зелье упало в желудок, по телу разлилась блаженная волна покоя. Дрожь на-

чала отступать.

Меня укрыли чем-то тяжелым и колючим – шерстяным одеялом.

Я провалилась в сон, но на этот раз не в черную яму, а в горячечный цветной бред. Мне снился отец. Он стоял посреди нашего сада, но розы вокруг него увядали на глазах, превращаясь в пепел. Он тянул ко мне руки, но его пальцы были опутаны черной паутиной. «Беги, Иса, – шептал он. – Беги». А за его спиной смеялась Селеста, и её смех превращался в звон монет.

Я резко села на кровати, жадно хватая ртом воздух. Сердце колотилось как бешеное.

– Очнулась? – раздалось из угла.

Я моргнула, пытаясь сфокусировать зрение.

Я находилась в маленькой бедной, но чистой комнатке под самой крышей. В очаге тлели угли, отбрасывая красноватые отсветы на бревенчатые стены. На столе горела толстая сальная свеча, а рядом с ней сидела моя спасительница.

Теперь, без плаща, я могла рассмотреть её лучше. Ильда была крупной женщиной неопределенного возраста. Её седые волосы туго стянуты под тюрбаном, а на широком поясе висело множество мешочков, пучков сушеных трав и странных амулетов из кости и дерева. Перед ней на столе разложены какие-то склянки, и она растирала что-то в ступке, наполняя комнату резким лекарственным запахом.

– Где я? – голос все еще слабый, но хрипеть я перестала.

Горло больше не болело.

– В комнате, где же еще? – Ильда отложила пестик и подошла ко мне. Она приложила тыльную сторону ладони к моему лбу. – Жар спал. Быстро. У тебя крепкая кровь, девочка. Другая бы на твоём месте уже воспаление легких подхватила, а ты отделалась испугом да лихорадкой.

Она взяла со стола кружку с водой и подала мне.

– Пей. После огнежара сушит сильно.

Я жадно припала к воде. Никогда еще простая вода не казалась мне такой вкусной.

– Спасибо вам, – я опустила кружку и посмотрела ей в глаза. – Вы спасли меня. У меня... у меня правда нет денег, чтобы вернуть долг.

Ильда хмыкнула, усаживаясь на край кровати. Стул под ней жалобно скрипнул.

– Я вижу, что денег нет, – она кивнула на мое платье, которое теперь висело у очага, уже сухое, но жалкое и серое. – Платье на тебе – тряпка для мытья полов. Но вот белье... – она прищурилась. – Тончайший шелк, ручная вышивка. И руки у тебя, милая, раньше не знавшие работы. Кожа белая, пальцы тонкие.

Я инстинктивно спрятала руки под одеяло.

– Не прячь, я не воровка и не доносчица, – успокоила она. – Я знахарка. Я лечу людей, а не сужу их. Но я вижу, что ты не простая бродяжка. Беглянка?

Я колебалась секунду, но лгать этой женщине, которая вы-

тащила меня с того света, язык не поворачивался.

– Меня выгнали, – тихо сказала я. – Из собственного дома.

– Мачеха? – проницательно спросила Ильда.

Я вздрогнула.

– Как вы узнали?

– О, деточка, – травница горько усмехнулась, и морщины у её глаз стали глубже. – Миром правят старые сказки. Злая мачеха, сирота, изгнание... Я живу долго и видела это сотни раз. Меняются только имена и титулы.

Она встала и подошла к очагу, поворошила угли кочергой.

– Спи. Тебе нужно набраться сил. Завтра расспрошу, куда тебе нужно. А сейчас – сон. Это лучшее лекарство, после моего отвара, конечно.

Я откинулась на подушку. Тело все еще было слабым, но страх ушел. Под мерный стук пестика в ступке – Ильда вернулась к своей работе – веки отяжелели. Здесь, в этой тесной комнатке, пахнувшей травами, я чувствовала себя в большей безопасности, чем в родном доме.

Я потянулась, ожидая привычной боли во всем теле, но с удивлением обнаружила, что чувствую себя... живой. Слабость осталась, руки казались ватными, но жар ушел, а голова была ясной.

В комнате пахло не лекарствами, а чем-то невероятно вкусным – горячей овсянкой с медом и печеными яблоками. Живот тут же предательски заурчал.

Ильда сидела у окна, перебирая пучки сушеной травы.

Услышав меня, она обернулась.

– Проснулась, спящая красавица? – ее голос звучал бодро.
– Вставай, пока каша не остыла. Тебе нужно есть за двоих, чтобы восстановить силы.

Я села, спуская ноги на холодный пол, и мой взгляд упал на стул у очага.

Там висело мое платье. Оно высохло, но выглядело ужасно: серая ткань пошла жесткими складками, пятна грязи въелись намертво, а подол похож на жеваную тряпку.

Ильда перехватила мой взгляд и виновато развела руками:
– Прости, девочка. Я хотела его постирать, но этот живоглот Грох затребовал пять медных за бадью горячей воды и мыло. У меня просто нет таких денег. Пришлось только высушить и почистить щеткой грязь.

– Ничего, – тихо ответила я, хотя внутри все сжалось от унижения. Явиться в Академию, обитель знаний и магии, в виде замарашки... Какой позор. Но выбора не было. – Спасибо и на этом. Вы и так сделали для меня слишком много.

Не желая раньше времени надевать грязное платье, я обернулась одеялом, и с благодарностью приняла миску. Каша оказалась божественной – сладкой, горячей, с кусочками масла. Я ела молча, чувствуя на себе внимательный взгляд знахарки.

– Ну, рассказывай, – сказала Ильда, когда миска опустела. – Куда путь держишь, беглянка? И не говори, что «куда глаза глядят». У таких, как ты, всегда есть цель, даже если

она безумная.

Я отставила миску и вытерла губы. Скрывать правду не было смысла. Эта женщина спасла мне жизнь, и интуиция подсказывала, что ей можно верить.

– Мне нужно в Академию вечной зимы, – твердо сказала я.

Ильда замерла с пучком зверобоя в руке. Её брови поползли вверх.

– В Академию? – переспросила она, глядя на меня с новым интересом. – Значит, в тебе есть дар? Я чувствовала, что твоя кровь непростая... Но Академия находится не в нашем мире, не в Ворея.

– Я знаю, – я выпрямила спину, вспомнив уроки географии. – Академия находится во Фрегеле, на Перекрестке Миров. В месте, где магия течет как вода, где сходятся все дороги. Ворея – лишь один из двенадцати миров, окружающих Перекресток. Я знаю теорию, но... – я замялась, глядя в окно на густой лес. – На картах всегда рисуют порталы в столицах. Я понятия не имею, как попасть во Фрегель из этой глуши.

Ильда усмехнулась, откладывая травы.

– Карты рисуют ученые, сидя в теплых кабинетах. А жизнь – она другая. Эта таверна – последняя крыша над головой перед переходом.

Сердце пропустило удар.

– Переходом? Вы хотите сказать, что вход во Фрегель где-то рядом?

– Ближе, чем ты думаешь, – Ильда подошла к окну и указала куда-то вдаль, где верхушки елей тонули в утреннем тумане. – Дорога идет на север, петляя через Змеиный лес. Пешком, если не будешь зевать, дойдешь часа за два. Там найдешь Старый портал.

Радость вспыхнула во мне ярким огнем. Два часа! Всего два часа, и я покину этот мир, где меня предали и лишили дома. Я окажусь там, где Селеста не сможет меня достать.

– Спасибо! – я вскочила, готовая бежать прямо сейчас. – Я... я не знаю, как вас благодарить!

– Не спеши радоваться, девочка, – голос Ильды вдруг стал тяжелым и серьезным. Она перехватила мой взгляд, и в её глазах я увидела предостережение. – Попасть во Фрегель просто, но путь туда не для слабонервных.

– Там охрана? Чудовища? – насторожилась я.

– Хуже. Там твой страх.

Знахарка подошла ко мне вплотную.

– Портал в Перекресток миров – это не красивая дверь с золотой ручкой. Это разрыв в ткани мироздания. Он находится в глубине Бездонной пади. Огромная расщелина в скале, у которой нет дна.

Я сглотнула, чувствуя, как холодок пробежал по спине.

– И... и что нужно делать?

– Прыгнуть, – просто сказала Ильда. – Чтобы пройти через портал, ты должна шагнуть в пустоту. Если в твоём сердце есть сомнения, если ты испугаешься в последний миг –

разобьешься насмерть о скалы. Портал принимает только тех, кто готов рискнуть всем. По крайней мере, так говорят, сама я там никогда не бывала.

Она положила тяжелую руку мне на плечо.

– Ты уверена, что готова, Исанта? Там, на краю, назад дороги не будет.

Я вспомнила холодный взгляд мачехи, беспомощность отца и дверь, захлопнувшуюся перед моим носом. Мне нечего терять. В Воре для меня больше нет места.

Я подняла глаза на Ильду и твердо ответила:

– Я готова.

– Духом – может быть. А вот телом... – Ильда лишь покачала головой.

Она подошла к печи, сняла с огня закопченный чайник и плеснула горячей воды в глиняный таз. Затем достала из сундука кусок серого мыла и грубую, но чистую тряпицу.

– Ванну принять не выйдет, сама понимаешь, – сказала она, ставя таз на табурет в углу, за ширмой. – Но смыть с себя лихорадку и дорожную пыль ты обязана. Негоже идти к portalу, чувствуя себя развалиной.

Я с благодарностью скрылась за ширмой. Воды было мало, но даже это казалось роскошью. Я терла кожу жесткой тряпкой до красноты, словно пытаюсь соскрести с себя воспоминания последних дней. Горячая вода смывала липкий пот, возвращая ясность мыслям. На мгновение мне показалось, что я снова в своей купальне, а за дверью ждут служанки с

пушистыми полотенцами.

Иллюзия рассыпалась, стоило мне взглянуть на стул, где лежало мое платье. Чистая распаренная, я стояла перед ним, как перед орудием пытки. Мне предстояло снова надеть это.

Я взяла ткань в руки. Она была жесткой, как кора. Но хуже всего запах – смесь затхлости, тины и чего-то кислого. Запах нищеты и безысходности.

Сглотнув подступивший к горлу ком, я натянула платье через голову. Ткань неприятно липла к влажному телу, царапала кожу. Я застегивала пуговицы дрожащими пальцами, чувствуя себя запачканной заново. Унижение жгло сильнее, чем крапива. Леди Исанта теперь пахнет как портовая бродяжка.

Я вышла из-за ширмы, стараясь держать спину прямо и не показывать своего отвращения. Ильда окинула меня критическим взглядом, но ничего не сказала о платье. Вместо этого она сняла с гвоздя большую шерстяную шаль грубой вязки.

– Возьми. На улице сильный ветер, а ты только встала с постели, – она накинула шаль мне на плечи.

Шерсть кололась, но от нее исходило живое надежное тепло. Я закуталась в неё поплотнее, пряча под серыми складками грязь на корсаже.

– Спасибо, Ильда. За всё, – я поудобнее перехватила свою сумку, чувствуя, как к горлу подступает комок. – У меня нет

ни гроша, чтобы заплатить вам за спасение, но я клянусь: как только доберусь до Академии и встану на ноги, я верну долг. С процентами.

– Не факт, что мы еще когда-нибудь встретимся, – значарка лишь отмахнулась, но я видела, что ей приятны мои слова. – Пошли, выпущу тебя, пока в зале тихо.

Мы вышли из её комнатки и прошли по темному коридору к задней двери. Грох и постояльцы, должно быть, еще спали – в таверне пахло остывшей золой.

У тяжелой двери Ильда остановилась и с натугой отодвинула засов.

– Не думай сейчас о долгах, девочка, – она повернулась ко мне и по-хозяйски одернула на моих плечах колючую шаль, укутывая плотнее. – Золото – дело наживное. Главное – не растеряй себя. Ты сейчас выглядишь как оборванка, но держись как королева. Сохрани этот стержень. Там, на той стороне, он тебе понадобится больше, чем магия.

Она толкнула створку наружу.

– Ну, с богами. Помни: иди по главному тракту, никуда не сворачивай. Эта дорога не любит тех, кто сомневается.

Я кивнула, набрала полную грудь воздуха и шагнула через порог на улицу. Утренний холод мгновенно ударил в лицо, выбивая остатки сна.

Тяжелая дубовая дверь за моей спиной захлопнулась с глухим стуком, похожим на удар молота. Звук эхом отразился от стен таверны и затих. Я осталась одна. Пути назад, в

тепло и безопасность, больше не было.

Передо мной, разрезая густой утренний туман, уходила вдаль широкая, выбитая в каменистой земле дорога. Древний мрачный тракт, ведущий сквозь лес напрямик в бездну.

Глава 7. Шаг в бездну

Я повернулась и пошла. Не оглядываясь. Туман цеплялся за одежду холодными влажными пальцами, залезал в легкие. Дорога петляла через мрачный хвойный лес. Воздух пах сырой хвоей, прелой листвой и ледяной свежестью, не обещающей тепла. Шуршание сухих трав на обочине и мои собственные шаги по мерзлой земле – единственные звуки.

Дорога шла вверх. Туман редел, но небо оставалось низким и серым. Лес оборвался внезапно, словно кто-то провел гигантским ножом черту, за которую деревья не смели ступить. Я вышла на край и замерла. Земля здесь заканчивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.